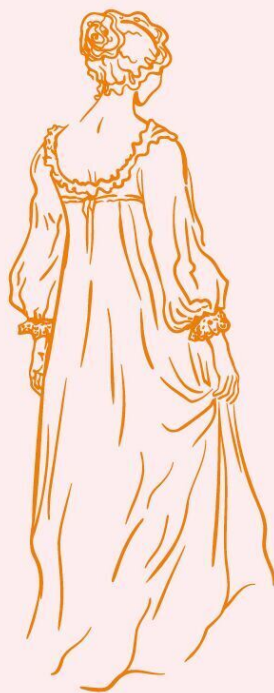

АННА БАНТИ

Сожженная рубашка

Магистраль. Главный тренд

Анна Банти

Сожженная рубашка

«ЭКСМО»

1973

УДК 821.131.1-311.6"19"

ББК 84(4Ита)-44

Банги А.

Сожженная рубашка / А. Банги — «Эксмо»,
1973 — (Магистраль. Главный тренд)

ISBN 978-5-04-254787-4

Роман «Сожженная рубашка» можно сравнить с произведениями Вирджинии Вулф «Орландо» и Режин Перну «Алиенора Аквитанская». Эта история особенно понравится тем, кого завораживают сильные личности, историческая эпоха и интриги в духе сериала «Медичи: Повелители Флоренции». Жизнь Маргариты Луизы Орлеанской — театр, наполненный громкими скандалами, вечными интригами и любовными похождениями, в котором она главная актриса. Вынужденная выйти замуж за великого герцога Тосканы Козимо III Медичи, она оказалась в ловушке блестящего, но жестокого двора, где каждый шаг становится поводом для сплетен, а жажда свободы — вызовом целому миру. И именно этот вызов Маргарита смело бросает с самого начала — еще до свадьбы, символически сжигая брачную рубашку. Анна Банги получила одну из самых престижных итальянских литературных премий «Premio Bagutta». Она была одной из тех писательниц, кто по-новому показал женщин в истории — не как фон великих событий, а как самостоятельных, сложных героинь.

УДК 821.131.1-311.6"19"

ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-04-254787-4

© Банти А., 1973

© Эксмо, 1973

Содержание

Почему?	7
Сожженная рубашка	9
I	9
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Анна Банти

Сожженная рубашка

Серия «Магистраль. Главный тренд»

© Наталья Симонова, перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Читайте в серии:

Режин Перну

– «Алиенора Аквитанская»

Кадзуо Исигуро

– «Не отпускай меня»

Рэй Брэдбери

– «451° по Фаренгейту»

Дэйв Уоллис

– «Выжили только влюбленные»

Томас Харрис

– «Молчание ягнят»

Дэниел Киз

– «Цветы для Элджернона»

– «Таинственная история Билли Миллигана»

Джонатан С. Фоер

– «Жутко громко и запредельно близко»

Харуки Мураками

– «Охота на овец»

Почему?

«Почему бы вам не рассказать историю Маргариты Луизы?» – Эмилио Чекки, прищипавшись, поглядывал на меня с лукавой улыбкой в уголках губ. Разговор шел о прекрасной книге сэра Гарольда Актона¹ «Последние Медичи», недавно переведенной на итальянский, а еще раньше – о многотомном труде «Медичи из Кафаджоло» Гаэтано Пьераччини², ученого, диагностировавшего у великих герцогов Тосканы наследственные пороки. Я ответила уважаемому другу, что распутные или добродетельные принцессы интересуют меня куда меньше, чем, скажем, падуанская крестьянка VII века, о которой я в то время размышляла.

Лишь позже, и совершенно случайно, когда я по другому поводу обратилась к архивам Медичи, эксцентричная фигура жены Козимо III пробудила во мне – хоть и довольно скептическое – любопытство. У меня сложилось впечатление, что об этой *Fille de France*³, привезенной во Флоренцию, говорили слишком много и слишком некомплиментарно. Она в самом деле была такой распутной и своевольной, как утверждают хроники? Отнюдь не стремясь реабилитировать ее память, я подумала, что неплохо было бы взглянуть на ее проступки с объективно более современной позиции, предусматривающей не столь категоричные оценки, как у профессора Пьераччини, строгого моралиста. Что же до мнения сэра Гарольда, его острое, живое исследование ограничивается чисто внешними наблюдениями, не лишенными, впрочем, забавных и снисходительных комментариев.

Незаметно для самой себя я начала делать заметки и сценически воссоздавать наиболее скандальные эпизоды ее жизни. Постепенно из них складывался некий театрик, в котором не было ничего травматичного – напротив, он сам предлагал прочтение в современном, обыденно фрейдистском духе. Эта кузина «короля-солнца», при всей очевидности ее высокого положения, тем не менее оставалась для меня такой же непостижимой, как любая сегодняшняя обывательница, выбрасывающаяся из окна кто знает почему. В конце концов я пришла к выводу, что, если уж продолжаю ею заниматься, пытаюсь воссоздать ее исторически, социально и психологически достоверный образ, мне придется выдумать ее заново. Использовать метод, к которому, вероятно, прибег не один современный исследователь.

Но выдумать ее было задачей наименьшей. Тот невероятный факт, что ей удалось вернуться во Францию, минуя Бастилию, в сущности, узаконивал любые гипотезы. Сопоставленные в цепочке причин и следствий, эти гипотезы соперничали в создании наиболее правдоподобного портрета. Как бы то ни было, одна выдумка тянет за собой другую. Маргарита Луиза, сначала выведенная на передний план, постепенно отступала, открывая взгляду персонажей незваных, даже строптивых; ошеломленные, зажатые в тисках своих официальных – и документально подтвержденных – биографий, они неистовствовали, обрушивая на меня свои тайные мысли. Задуманное действие – свершившийся факт, как кто-то сказал. Театрик вдруг рухнул, и пьеса рассеялась в повествовании, где пространство расширяется по мере необходимости, а персонажи не весомее теней, которые солнце отбрасывает от их ног. Затерянные шаги, неясные следы, до конца не стертые временем, указывали на лакуны, требующие заполнения, на разрывы, которые следовало заштопать нитями, казалось бы, бессобытийных дней. Так рождалось полотно, расписанное мимолетными жестами, невысказанными чувствами, забытыми намерениями, тайнами, что остались бы в тени или вовсе бы не проявились, если бы однажды

¹ Гарольд Актон (1904–1994) – английский писатель, историк и коллекционер произведений искусства. Опубликованная в 1930 году, его книга *The Last Medici* вышла в итальянском переводе в 1962 году. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

² Гаэтано Пьераччини (1864–1957) – итальянский врач и политик, автор трехтомного труда «Род Медичи из Кафаджоло: исследование наследственной передачи биологических признаков» (1924–1925).

³ Дочь Франции (*фр.*).

в 1661 году пятнадцатилетняя девушка королевской крови, беспокойная и честолюбивая, не сказала, склоняясь в реверансе: «Сир, я согласна».

А. Б.

Сожженная рубашка

I

*Там, где мы первые,
Мы обретаем довольство и счастье.*

Маргарита Луиза Орлеанская

Она не говорит, она жужжит зудит кусает. Не замечает открытого окна, бьется о стекло. Здесь есть кровь, которую можно высосать, а снаружи – свет, в котором все исчезает, и он ей враждебен. Она ждет темноты, чтобы снизиться в бреющем полете, – крошечный вампир, прикрытый именем Маргарита Луиза. В этом панцире она все еще мнит себя принцессой.

Значит ли что-нибудь это имя? Она не сомневается: для нее это имя героини – прославленной жертвы несправедливости и лицемерия. В своем веке она была осуждена и гонима, наш принадлежит ей по праву, в нем ей было бы куда уютнее. Дата ее рождения – ошибка, требующая радикального вмешательства – перемещения ее в мир, освобожденный от предрассудков. Она считает себя образцовым случаем, хочет рассказать о себе и быть рассказанной. Уже сделано, ваше высочество. Выдающийся врач-позитивист конца XIX века вынес вам диагноз: истерия, нимфомания. Лучше не настаивать (мы уже скатились в диалог, как вы и хотели). В наше время больше нет любопытных до старых скандалов: история умерла вместе со своими мертвыми, даже настоящее истощилось, а в будущем для вас нет места. Ваши портреты и те ненастоящие. Святые соборов тоже были обезглавлены, смиритесь со своим прахом.

В темноте вырисовывается лукавая гримаса, жужжание мухи сменяется голосом. И о чем же еще, спрашивает он, вы могли бы рассказать? О мелких тревогах буржуа, жаждущих власти и денег? О бреде немощных? Об отцах и сыновьях, соревнующихся в глупости? О любовниках, наскучивших друг другу? А рассказать нужно, ведь земля уходит у вас из-под ног. Она считает, что победила, и вмиг прихорашивается: белокурые волосы, голубые глаза, округлая грудь, тонкая талия, пестрое нагромождение атласа кружев и лент. Актриса, нетерпеливо рвущаяся на сцену, готова к выходу. Звучит голос, – ее? – он описывает постановку: кулисы, прозрачные занавеси, свет, последовательность актов. Придворный театрик, как в Блуа, Фонтенбло, Поджо: небо и земля к услугам принцессы. Год 1660-й.

Пасмурная погода над Францией, от Альп до Бретани, в Париже празднуют прибытие новой королевы – испанской инфанты. Бедняжка принцесса Савойская, приезжавшая на смотрины! Ее отправили обратно в Пьемонт, и теперь она живет там, гордая и печальная. Слишком много надежд разрушил испанский брак: Гастон Орлеанский, дядя короля, в прошлом фронтёр⁴, человек неудачливый, живет в замке Блуа со своей второй женой, принцессой Лотарингской, которая нарожала ему трех дочерей, на старшую, Маргариту, он, собственно, и возлагал надежды – хотел сделать ее королевой Франции. Ничего не вышло, а здоровье его все хуже, он по уши в долгах и изводится от дерзости дочери от первого брака, Монпансье, Великой Мадемуазель, которая по материнской линии владеет половиной Франции. Не девушка, а бедствие.

⁴ Фрондёр – участник Фронды, антиправительственных восстаний 1648–1653 годов во Франции; впоследствии так называли оппозиционеров и критиков власти.

А теперь что делать с этими тремя дочурками? Две с пороками, одна – нормальная: хорошая кожа, стройная фигура. После неудачи с королевским браком сорвался и союз с монсеньором Савойским – тут постаралась Монпансье, тридцатилетняя дева, все еще не нашедшая трон, достойный ее величия. Остается наследник Тосканы, говорят, привлекательный молодой человек, но, боже мой, он ведь Медичи, и вдобавок его поддерживает ненавистный Мазарини. Гастон устал и растерян – медики *Faculté*⁵ дают ему недолгий срок, – он проводит дни в постели, никого не принимает. Жена, словно ее и нет, коротает время, строча слезные письма немецким родственникам – лотарингские принцы на них помешаны, – пока их плохо одетые, беспризорные дочери ссорятся, сплетничают, строят из себя святош. Что касается Маргариты Луизы, ее заботит лишь одно: как можно скорее выйти замуж, притом удачно, повелевать, танцевать, играть, охотиться и принимать почести. Она не так богата, как ее единокровная сестра, которая и без мужа держит двор, как королева. В общем, только и ждет, когда завершится тосканская сделка. Тем временем Гастон подтверждает приговор медиков, умирая как по предписанию, и его вдова погружается в траур – прощай, праздники, игры, балеты. Маргарита рыдает, молит о спасении, ее преследует кошмар монастыря: там заканчивают свои дни бедные принцессы. И вот появляется королевский посланник. Людовик, еще не «король-солнце», ждет ее к себе и встречает с улыбкой: Ну как, *ma cousine*⁶, что скажете о принце Козимо? Не хватает лишь вашего согласия. С безупречным реверансом и очаровательной улыбкой она отвечает: Сир, я согласна.

В палаццо Питти между тем царит атмосфера таинственности: шушуканье, семейные советы. Говорит великий герцог Фердинандо II:

– Лучше не найти во всей Европе – благородная кровь, молодость, красота, кроткий нрав, здоровье. Сведения достоверные, из первых рук, от Вонзи, а тому их сообщила мадам де Гобелен, приближенная Орлеанского дома.

Говорит великая герцогиня Мария Виктория, женщина, полная подозрений:

– А мы уверены, что девушка – добропорядочная католичка и не впала в заблуждения Пор-Рояля и ересь янсенистов?⁷ Разве танцы, пение и игра на спинете⁸ – достоинства? Французский двор развращен, о нем рассказывают такое, что кровь стынет в жилах. Если бы только удалось возобновить переговоры с немецкой принцессой...

Принц Леопольдо, скрывая за учтивостью неприязнь к невестке, ограничивается своим присутствием, перешептываясь с братом Маттиасом. Наконец великий герцог обращается к бледному, напыжившемуся Козимо с видом человека, который боится, что его обманут:

– А что ваше высочество думает о мадемуазель Орлеанской? Если портрет правдив, как уверяют, она должна вам понравиться. Но прежде всего мы хотим видеть вас довольным.

Юноша хмурится, глаза всех присутствующих устремлены на него, даже дядя Леопольдо на миг отвлекается от своей болтовни и смотрит с иронией. Вопрос веры Козимо не безразличен, слова матери его впечатляют, да и партия с немецкой принцессой казалась ему надежнее. Он заготовил небольшую речь по случаю, чтобы произвести хорошее впечатление и потянуть время, и уже собирается начать, как вдруг его опережает Маттиас – говорит по-военному прямо, без церемоний, как дядя с племянником:

– Ну же, сынок! – восклицает он. – Колебания излишни – либо да, либо нет. Жениться вам, а не нам. – К его смеху сдержанно присоединяется только Леопольдо, прикрывая рот

⁵ То есть Парижского медицинского факультета (*Faculté de médecine de Paris*).

⁶ Моя кузина (*фр.*).

⁷ В монастыре Пор-Рояль близ Парижа располагалась влиятельная община янсенистов – последователей религиозного движения, вдохновленного идеями нидерландского епископа Корнелия Янсения и получившего распространение во Франции в XVII–XVIII веках. Направленное против иезуитов, их учение было признано Католической церковью еретическим в 1653 г.

⁸ Спинет – небольшой клавишный инструмент с мягким и тихим звучанием, популярный в XVII веке среди европейской знати, особенно среди женщин.

рукой, как подобает интеллектуалу. Прижатый к стенке, Козимо, подносит левую руку к горлу, правую – к груди и встает. Стоит прямо рядом с креслом великой герцогини, которая опустила глаза и заметно напряжена.

– Ваше светлейшее высочество и отец мой, если бы государственные интересы, которые я глубоко чту, и сыновняя преданность не противостояли сомнениям, что ведут в моей душе яростную борьбу... – Ну, это на добрых полчаса... – шепчет Леопольдо и терпеливо закрывает глаза.

– Но все совсем не так! – пищит проклятая муха. – Козимо согласился с лету. Он не был влюблен ни в немку, ни в меня, мужчины его сорта не влюбляются, женщина для них – средство удовольствия и машина для производства детей, моя красота его не трогала, она лишь тешила его самолюбие. История должна опровергнуть коварные выдумки моих врагов.

История имеет обыкновение выдумывать, и порой, выдумывая, обнаруживает истину. Пожелтевшие письма, изъеденные червями дипломатические бумаги из архивов ни на что другое и не годятся: «интерпретировать» и «делать выводы» – эвфемизмы, маскирующие работу воображения. Точно можно сказать лишь одно: Козимо использовал слова, которые и сегодня крутятся у нас на языке, ударяются о небо, сжимаются в губах. Государство, Семья, Долг, Политика, Общее благо, Мораль. И другие, сохранившие звучание, но утратившие смысл: Слава, Честь, Вера, Повиновение, Уважение. Придумывать речь Козимо безобиднее и не так важно, как расшифровывать след мамонта или отпечатки на черепе четвертичного периода. Череп Козимо прекрасно сохранился, но он молчит – говорят его достоверные изображения в море и на холсте; его хромосомы, возможно, все еще живут в каком-то младенце, сосущем бутылочку. Стоит взглянуть на него повнимательнее.

Это рослый, вялый юноша с бледной кожей, крупным носом, пухлыми губами и мелким подбородком, лицо его выражает робость, гордость и печаль. Воспитанный в духе Академии дель Чименто⁹, он вовсе не глуп, но одержим сомнениями, боится козней дьявола. Его главная земная опора – Римская церковь, но его устремления противоречивы: святость и военные амбиции, вера в абсолютную власть монархов и потребность в любви подданных. К отцу и дядьям по отцовской линии он испытывает восхищение, смешанное с недоверием, к матери – физическую привязанность вечного младенца. Он страстно хочет жениться, но женщины пугают его, хотя он себе в этом не признается. Своим ответом великому герцогу он хочет продемонстрировать мудрость, политическое чутье и строгую нравственную – но чем дольше говорит, тем яснее понимает, что не убеждает никого. Тогда он торопливо сворачивает речь, полагаясь на совет старших, вновь подтверждая свою покорность, но... но... В этот момент Маттиас, которому не свойственно ни терпение Леопольдо, ни скепсис Фердинандо, выходит из себя:

– Говорите короче, невеста вам нравится или нет? Черт побери, к чему столько разговоров, чтобы лечь в постель с красавицей...

Так грубо оборванный, Козимо запинается и краснеет. Мария Виктория закрывает уши руками и испепеляет деверя взглядом.

Как и все актрисы прошлого и настоящего, Маргарита Луиза возмущается, ворчит. Какой смысл разбираться в том, что говорили члены дома Медичи, которые до конца не могли поверить, что они породнятся с французской короной? Что до Козимо, то он и тогда был лицемером и недотепой, привыкшим сваливать свои ошибки на других, его мнение не в счет. Лучше приоткроем занавес в кабинете, где, как мы помним, король принял ее, взволнованную, ошеломленную и даже униженную – в платье, одолженном у Великой Мадемуазель и оказавшемся слишком широким и длинным. Она ответила «да», как утверждает, лишь из почтения к

⁹ Академия дель Чименто – ученое общество по естествознанию, учрежденное во Флоренции на средства Леопольдо Медичи и просуществовавшее с 1657 по 1667 год.

королевскому присутствию. Прозвучало «да», полное слез. Без улыбки. А потом, вернувшись домой...

Давайте порассуждаем, ваше высочество. Вы вызываете к разуму нашего века, и мы предлагаем рассмотреть ваш случай исходя из нашего опыта изучения неудачных браков, без всякой предвзятости. Приходится признать, что последние три столетия принцам и принцессам (или тем, кто занял их место) неизменно присущи одни и те же слабости. Это позволяет предположить, что если Маргарита Луиза и пожалела о чем-то, вернувшись в Люксембургский дворец, то лишь о том, что не поинтересовалась размером своего приданого и содержимым сундуков. В своей комнате с закрытыми ставнями, – спустя год вдовства, все еще в трауре, – герцогиня Орлеанская, женщина с недалеким умом и досадной склонностью к упрекам, обрушивается на дочь с обвинениями: как она не поняла, что король использовал ее, чтобы исполнить последнюю прихоть Мазарини! Этот человек – проклятье французского дворянства. Тосканский двор – мелочный и мрачный, хуже испанского, королевы там живут, как узницы: если Маргарита выживет после ядов Медичи, ее ждет жалкое существование под гнетом свекрови, без малейших свобод. И к чему такая спешка? Не лучше ли сделать расчет на кузена Карла, любимца императора, который рано или поздно наверняка добьется какого-нибудь трона? Правда ли, что Карл давно ухаживает за ней открыто и она отвечает ему благосклонностью?

Девушка потрясена услышанным, удивление сменяется растерянностью и чувством гордости. Этого кузена, наполовину немца, плохо одетого, неловкого, большого любителя сосисок и капусты, гостя, которого в Блуа принимали лишь из снисхождения, она и ее сестры всегда считали грубым, да еще и неприятным простаком, терпеть его приходилось ради герцогини, его тети. Неумелый в остроумных играх, неуклюжий в танце, враг музыки и пения, он отвечал на насмешки девушек, выставляя напоказ свое умение держаться в седле и страсть к охоте. Его визиты в замок не имели иной цели, кроме как рыскать по лесу вместе с неотесанными спутниками, пропахшими дичью. Когда Маргарита Луиза просила – а такое случалось часто – взять ее с собой на охоту, он всегда находил предлог для отказа: она слишком неосторожная, плохо держится в седле. Эти замечания приводили ее в ярость. И вот теперь кузен вдруг предстает в образе влюбленного воздыхателя; если герцогиня так говорит – значит, правда. Сейчас Карл у себя в Лотарингии, и Маргарита Луиза думает, что никогда не смотрела на него внимательно и даже не может сказать, красив он или уродлив. Крайне взволнованная, она пытается вызвать в памяти его образ: глаза, рот, рост, волосы, а потом – жесты, голос. Однажды, помогая ей слезть с кобылы, он, вместо того чтобы подставить колено, обхватил ее за талию обеими руками и удерживал в воздухе чуть дольше, чем следовало, прежде чем опустить на землю. В другой раз, услышав ее крик ужаса при виде огромного ужа, он бросился к ней и рассек змею надвое. Вспоминая свое пресное девичье прошлое, она выискивает в нем доказательства тайной любви, сотня ничтожных эпизодов вдруг окрашивается в нежные тона – теперь она уверена, что любима так же возвышенно, как дамы из салона Отеля де Рамбуйе¹⁰, и этого ей достаточно, чтобы почувствовать себя влюбленной и прелестно несчастной.

– Мадам, – умоляет она, – прошу вас, не дайте принести меня в жертву. И зачем, скажите на милость, подвергать сомнению любовь, что всю жизнь была моим крестом и мукой? – декламирует актриса, уже не высокомерная, капризная принцесса XVII века, а томная романтическая героиня, кроткое создание, угнетенное и смилившееся. В этом обличье она вызывает к нежным музам чувства, подражая мелодрамам XIX столетия.

Вы ошибаетесь, ваше высочество. Ваша мимика не к месту. Вы вовсе не тот чувствительный персонаж, что мог бы привлечь внимание, скажем, Бальзака или Жорж Санд: они не заинтересовались вашей судьбой, усмотрев в ней отсутствие страсти. Вам бы не подошла даже роль

¹⁰ Отель де Рамбуйе знаменитый парижский салон мадам де Рамбуйе, центр светской и литературной жизни Франции первой половины XVII века, где зародилось понятие «претенциозности», подразумевающее утонченность и снобизм.

какой-нибудь герцогини де Ланже¹¹, обладавшей по крайней мере смелостью заживо похоронить себя в монастыре. Вы скорее напоминаете некоторых наших современников, которые не знают, чего хотят, но хотят этого немедленно. Сбросьте свою мишуру и позвольте нам выдумать вас – хотя бы с долей правдоподобия.

Чувство Маргариты Луизы было собрано из вторичного сырья – из обломков неудовлетворенных амбиций. Эта девушка королевских кровей была лишена и роскоши, и статуса *prima inter pares*¹² – феодальной мечты, которой она всегда была одержима. Что-то цыганское витало в воздухе, которым она дышала, в воздухе двора деревенского, обедневшего и опозоренного: второй брак ее отца вызвал недовольство Людовика XIII, а Анна Австрийская так и не приняла у себя ее мать. В детстве ее все называли *petite reine*¹³ как суженую молодого Людовика; наверняка она плакала, когда поняла, что Людовик ей не достанется. С тех пор она не знает покоя: неуемная живость выплескивается в скитания по деревням и лесам, в общение с путниками, браконьерами, *manants*¹⁴, которым она из прихоти позволяет фамильярность, кто знает, насколько далеко заходя. За неимением лучшего зачитывается романами и путешествует по карте воображаемой Страны Нежности¹⁵, организует балеты и спектакли, питается дешевым восхищением в ожидании чего-то более существенного. Чем туманнее ее судьба, тем выше она метит.

Со смертью Гастона она впадает в противоположную крайность: любая фрейлина кажется ей достойнее и счастливее ее. Покорная от отчаяния, готовая на любые уступки, она надеется лишь на своего покровителя, короля, ждет, что он найдет для нее достойного жениха; принц Тосканы представляется неожиданной удачей, и ее согласие – трепетное, искреннее. Но теперь слова матери вносят смятение в ее решимость подчиниться воле монарха. Как получить передышку, как добиться замены Козимо на кузена из Лотарингии? Допустим, это возможно, но правда ли, что он просит ее руки? И что за участь ждет жену такого принца пока еще без земель и без трона? Романтические грезы – это хорошо, но Маргарита Луиза знает, что значит нужда: отсутствие денег, платьев и драгоценностей. Стесненное положение Орлеанского дома научило ее расчету, умению предпочитать надежное зыбкому. На ее сомнения и вопросы мать лишь пожимает плечами и повторяет: не стоит лить слезы над разбитыми черепками, нужно было быть осмотрительнее, не соглашаться. В смятении Маргарита просит новой аудиенции, падает ниц, рыдает, целует руку самого грозного монарха Европы. Он холодно отвечает:

– Надо было думать раньше. Мое слово дано. Либо Тоскана, либо монастырь. – Потом улыбается и слегка похлопывает ее по щеке. – Успокойтесь, моя кузина, вы уже не ребенок. Вот, кстати, первый подарок от вашего жениха – восхитительный бриллиант.

И впрямь восхитительный. Из изящной коробочки выскользнул сверкающий перстень, и Маргарита, поддавшись порыву, тут же надела его на палец. Зачарованная, она то приближала, то отдаляла его от глаз – извечное движение женщин, плененных драгоценными камнями. Людовик наблюдал за ней с добродушно-ироничным удовлетворением. Аудиенция закончилась. Он встал.

– Прощайте, моя кузина. Наступил час Совета. – Дверь за ним закрылась, а мадемуазель замерла в глубоком протокольном реверансе.

Что теперь было решать, о чем думать? Ничего определенного. У нее кружилась голова, в теле чувствовалась крайняя слабость, словно ее сразила чудовищная сила, – а в глубине души

¹¹ Герцогиня де Ланже – героиня одноименного романа Бальзака.

¹² Первая среди равных (лат.).

¹³ Маленькая королева (фр.).

¹⁴ Нищая чернь (фр.).

¹⁵ Имеется в виду аллегорическая карта любви, опубликованная в романе Мадлен де Скюдери «Клелия», написанном в 1654–1661 годах.

появилось приятное чувство: она отделалась от всякой ответственности. Маргарита убрала кольцо в резную шкатулку с портретом жениха в центре: пухлые щеки, густые волосы, темные глаза – мужчина как мужчина. Она внезапно вышла из оцепенения, ясно и холодно рассуждая: сколько времени понадобится, чтобы кузен мог жениться на ней? Годы. Ее ждут мрачные годы немилости у короля, ссылка в провинциальный монастырь, где ее красота увянет, а великий герцог тем временем подыщет сыну невесту, пусть не красивее, зато богаче. Со временем и любовь Карла, если это вообще любовь, остынет. И тогда, чтобы покинуть монастырь, придется удовольствоваться простым дворянином и жить вдали от двора между беременностями и кормлениями.

– Вы правы, ваше высочество, – утешает ее старая Габриэла, бывшая кормилица, а теперь камеристка, которая без определенных обязанностей сопровождает Орлеанскую вдову в Париже. – У Маргариты Луизы дурная привычка изливать душу первому встречному. И пока камеристка помогает раздеться, она рассказывает ей обо всем: о предполагаемой страсти Карла, о королевском приказе, о материнских упреках. Не забывает показать и кольцо, вновь надетое на палец, и портрет Козимо.

– Я бы не доверяла монсеньору Лотарингскому, – говорит Габриэла. – Быть может, он и вправду любит ваше высочество – другой такой красавицы не сыщешь. Но в его постоянство я не верю. Он юноша легкомысленный: ухаживал за Манчини и даже за той хромоножкой¹⁶, что нынче пришлась по вкусу королю. Да и все знают, что он просил руки Великой Мадемуазель, позарившись на ее богатства и не смущаясь ее возраста. А принц Тосканы – другое дело, за ним сила Медичи. Не слушайте тех, кто их порочит: они щедры, я за это могу поручиться, моя семья прибыла во Францию вместе с мадам Екатериной...¹⁷

Все, кроме Маргариты Луизы, знали, что Карл сватался к ее пожилой сестре. До этой минуты она никогда не задумывалась о том, что кузен ни разу не говорил с ней о любви и что мать этими словами хочет лишь досадить королю. Карл подлец, предатель, она отомстит, выйдет замуж за Козимо и навсегда покинет Францию... Маргарита плачет навзрыд, чувствуя себя самым несчастным существом на свете, одинокой, подавленной, всеми покинутой. Габриэла с гребнем в руке, теперь в роли покровительницы и советницы, охвачена любопытством, хочет знать больше.

– Но что именно пообещал вам принц? Мадемуазель и вправду так уж сильно его любит? Утрите свои прекрасные глазки и напишите ему, я слышала, он вернулся. Я узнаю, куда отнести письмо. Терять времени нельзя. Побег мог бы помочь делу. Что тут такого? Даже мадам герцогиня вышла замуж тайно, и потом все устроилось. Пишите, ваше высочество, я передам...

Маргарита Луиза не написала: Габриэла допустила оплошность, напомнив о тайном браке ее матери – позоре Орлеанского дома. Впрочем, нужды в письме не было: любимый племянник герцогини, как водится, однажды утром внезапно появился в Люксембургском дворце и как ни в чем не бывало сел за стол. Он был так приветлив и добродушен, что Маргарита Луиза тотчас забыла о своих мстительных замыслах и бросилась ему на шею, заливая слезами его и без того помятое жабо. Мадемуазель д'Алансон, горбунья, была на мессе, мадам де Монпансье, хозяйка дома, накануне уехала на воды в Форж, за столом в ожидании первого блюда сидела лишь мадам Орлеанская. Не разжимая своих безрассудных объятий, Маргарита шептала слова, от которых Карл терялся, обращалась к нему на «ты», чего не случалось с самого детства.

– Спаси меня, – говорила она, – спаси от этого брака. Только ты можешь. Только ты должен.

¹⁶ Вероятно, имеется в виду Луиза де Лавальер, одна из первых фавориток Людовика XIV, которая хромала после детской травмы.

¹⁷ Имеется в виду Екатерина Медичи (1519–1589) – королева Франции с 1547 по 1559 год, супруга Генриха II.

Слуги с дымящимися блюдами в руках замерли на пороге залы: глаза опущены, слух наостроен. Первым побуждением Карла было оттолкнуть ее, может, даже резко, в этом бурном проявлении чувств он заподозрил выходку, еще более странную, чем обычно, одну из тех насмешливых проделок, которые девчонки Орлеанского дома устраивали в Блуа, испытывая терпение бедного родственника. Но теперь эта округлая, мягкая грудь, ощутимая сквозь косточки корсета, это теплое, влажное дыхание лишало его воли и гасило всякое желание понять, что происходит, тем более что, косясь на герцогиню-тетушку, он видел: та оставалась невозмутимой, словно ничего другого и не ждала. Воспользоваться этим порывом нежности было бы нетрудно, окажись в его объятиях какая-нибудь *fille de bonne maison*¹⁸ из свиты королевы. Смущение нарастало и стало невыносимым, а когда, не разжимая объятий и всхлипывая, кузина пробормотала *mon amour*¹⁹, у Карла перехватило дыхание. Мысль о розыгрыше явно не годилась: Маргарита его любит, а если любит, значит, он каким-то образом заронил в ней надежду. Но как? И когда? Поведение герцогини не оставляло сомнений: от него ждали торжественного признания, обязательства, обещания – и все это теперь, когда он рассорился с лотарингским дядюшкой, впал в немилость у французского двора и как раз вел переговоры с окружением императора, надеясь получить хотя бы место капитана-наемника.

Умом он не блистал, но и дураком не был: стоило держать ухо востро, кто знает, что замышляют сирота и вдова несчастного Гастона. Пока же, как подобает воспитанному кавалеру, он избрал осторожную вежливость: обняв Маргариту за плечи, усадил ее и попытался успокоить – больше жестами, чем словами, ибо слова не были его сильной стороной. Тем временем размышлял: да, о предполагаемом тосканском браке кузины до него долетали какие-то смутные слухи, но он не обратил на них внимания. Узнав сейчас, что все решено, он испытывал некоторое облегчение: если он невольно обнадежил Маргариту, то теперь уж точно не был обязан жениться на ней по долгу чести. Она его любит? Что ж, любовь еще не значит брак, Карл готов ответить ей взаимностью, но в допустимых для обеих сторон пределах. Слова, что он шепчет ей на ухо, не так уже пылки, но больно отзываются в ее и без того смятенной душе:

– Будьте уверены, моя преданность никогда вас не покинет. Где бы вы ни были, мои мысли будут с вами. – На маленькой ручке, к которой он склоняется, чтобы скрепить поцелуем их уговор, сверкает внушительный бриллиант. «*Parbleu*»²⁰, – думает он, Медичи знают толк в широких жестах, не пройдет и месяца, как осчастливленная сестричка будет благодарить небо за то, что ей достался такой щедрый супруг. Но сестричка непредсказуема: тронутая поцелуем, она снова разражается рыданиями, и, вместо того чтобы, как полагается, упасть в обморок, с яростью срывает с пальца и швыряет кольцо через стол, накрытый к завтраку.

Добрых полчаса слуги, камердинер и даже сам мажордом ползали на четвереньках в поисках драгоценного кольца, которое – будет свадьба или нет – следовало обязательно найти. Еще немного, и Карл с герцогиней сами бы опустились на колени, чтобы ощупывать руками пол. Лишь мадемуазель, застывшая с платком, прижатым к глазам, оставалась безучастной к суете. Кольцо так и не нашли, и перед лицом происшествия, чреватого серьезными последствиями, никто больше не притронулся к еде: ни Карл, потерявший аппетит и вдруг осознавший, что втянут в рискованную интригу, ни мадам, мысленно вернувшаяся во времена своей запретной любви к Гастону.

– Мужайтесь, *mon enfant*²¹. мы отразим удар судьбы, – прошептала она ошеломленному племяннику. Потом, сопровождаемая мажордомом, удалилась в свои покои.

¹⁸ Благородная девица (фр.).

¹⁹ Любовь моя (фр.).

²⁰ Черт побери (фр.).

²¹ Сын мой (фр.).

Слуги продолжали шарить по полу, Маргарита Луиза замерла, а молодой человек, охваченный отвращением и смертельной скукой, не знал, что делать. Подойти, пообещать... Но что? Его недавняя галантность надломилась, мысль о том, что его могут каким-то образом принудить к браку с этой вздорной, гордой и требовательной пятнадцатилетней девчонкой, пугала – это стало бы его гибелью. Разочаровать ее было бы жестоко, но и опасно: женщины Орлеанского дома мстительны и не боятся скандала. Все абсурдно, все запутанно, даже попроситься – задача. Один взгляд на кузину, один – на дверь; герцог Лотарингский выходит на цыпочках... и исчезает.

Оставшись одна, мадемуазель убирает платок от глаз, все это время она наблюдала за движениями кузена сквозь тонкий батист. Она спокойна, веки лишь слегка покраснели от слез. Исчезновение Карла не удивляет, ей хорошо известно, что он теряется в критические моменты, и, хотя она думает, что влюблена в него, ничто – если бы только захотела – не помешало бы ей сейчас высмеять его. Слуги больше не ползают по полу, теперь они заканчивают убирать со стола. Она ждет, когда последний выйдет, затем встает и уверенно направляется к стене справа, почти полностью занятой массивным буфетом. Опускается на колени, наклоняется, протягивает руку. Вот и кольцо, она видела, куда оно упало. Надевает его на безымянный палец, разглядывает. Как бы ни сложились обстоятельства, дарителю она его не вернет. Скажет, что потеряла, а король возместит ущерб великому герцогу. Никогда – в этом она уверена – герцог Лотарингский не смог бы подарить ей ничего подобного. И теперь, поднимаясь по черной лестнице в свою комнату, Маргарита думает: если первый дар Козимо такой роскошный, какими же будут – а может, уже готовы? – остальные, предназначенные для невесты королевской крови? Рубины, жемчуга... Медичи несметно богаты. Тем больше она гордится своим отказом, своей жертвой ради мужчины ее сердца. Карл должен будет боготворить ее за то, что она оказала героическое сопротивление воле короля. Весь Париж будет говорить о ней. Месье²², который не любит женщин, но питает к ней особую нежность, примет ее сторону, дядя из Лотарингии растрогается мольбами племянницы, в конце концов все окажется проще, чем она думала. Бедняга Карл, он так растерялся, что даже не осмелился попроситься, побоялся расчувствоваться. Принцесса Лотарингская – красивый титул. Правда, поначалу ей придется довольствоваться положением посредственным, не соответствующим рангу Дочери Франции. Любовь порой – дело неудобное, вздыхает она.

– Ну что, кольцо потом нашлось? – спрашивает старая Габриэла, которая и так все знает. Она пристально смотрит на руку мадемуазель, замершую над бесконечной гобеленовой вышивкой – единственным занятием, подобающим несчастной влюбленной. Молчание Маргариты не смущает. – Говорят, – добавляет Габриэла с лукавой улыбкой, – что тосканский резидент²³ получил шкатулку, полную изысканных мелочей. Интересно, для кого бы это? – Но намек остается без ответа, и Габриэла, почуввав дурное настроение госпожи, предусмотрительно удаляется. – Если вашему высочеству что-нибудь понадобится, я в гардеробной.

Избавившись от ее назойливого присутствия, мадемуазель откладывает пяльцы, достает футляр с кольцом и вглядывается в портрет Козимо. Красавцем его не назовешь, но теперь, когда она всмотрелась, кажется, что Карл вовсе не так уж хорош собой; по правде говоря, ни один из них не отвечает ее смутному идеалу мужской привлекательности. К примеру, ни тот ни другой не напоминает молодого браконьера, которого она часто встречала во время верхних прогулок в лесах Блуа и которого – как будто по молчаливому дружескому соглашению – ни разу не выдала стражникам. Единственное достоинство Козимо и Карла лишь в том, что оба они – принцы и претенденты на ее руку. И вдруг она чувствует странную жалость к этому

²² Имеется в виду месье Филипп I, герцог Орлеанский (1640–1701), – младший брат Людовика XIV.

²³ Здесь: резидент – дипломатический представитель Великого герцогства Тосканского при французском дворе, охранявший интересы тосканских принцев.

незнакомому Козимо, который, возможно, ждет ее и сгорает от нетерпения заключить в объятия. Она не раз слышала, что итальянцы любят страстно, и ее искушает желание испытать это на себе, необузданное воображение рисует смелые картины. Гордость мешает ей усомниться в чувствах кузена, но, вспоминая сцену, разыгравшуюся час назад, она сердится: эта его неуклюжесть, формальный поцелуй руки, банальная учтивость... Моя преданность, мои мысли... Пустые слова. Ей нужны поступки. Ей хочется, чтобы ее добивались, завоевывали, желательно страстно и пусть даже грубовато. Не станет ли слепой отказ от тосканского наследника ради Карла непоправимой ошибкой? Правильно спрашивала Габриэла: уверена ли ее высочество, что так уж сильно его любит?

Нет, совсем не уверена. В этой тусклой, бедно обставленной комнатке, куда никогда не заглядывает солнце и где сумерки наступают задолго до вечера, чувства не выдерживают скуки, испаряются, гаснут, как огонь без топлива. Ей кажется, будто у нее нет прошлого, и приходится сделать усилие, чтобы вспомнить: Карл существует. Написать ему записку, предложить побег, полный приключений? Это нелепые мечты, не стоит их лелеять. Если бы ее заточили в монастырь, хуже бы не было.

В своем убогом театрике актриса продолжает причитать, будто все обстояло иначе: Карл был без ума от нее, готов был потерять все, лишь бы жениться, и осаждал ее страстными посланиями. На это есть доказательства, говорит она. Какие доказательства, мадемуазель? Пустая болтовня, слухи, гуляющие между гостиницами Марсе²⁴ и покоями Лувра, выдумка еще нелепее той, что мы сегодня рассказываем, представляя вас современной девчонкой, которая боится жить, но мечтает о славе. Судьба принцесс, выданных замуж по доверенности²⁵ и почти сразу погруженных в однообразие быта знатных матрон, изуродованных родами и выкидышами, вызывала у вас отвращение, вы стремились к другому, и легенда о несчастной любви вам как раз подходила: вас привлекали театральные жесты – рыдать у подагрических ног лотарингского дяди, бросать вызов гневу короля. Но признайтесь, вас соблазнило богатство приданого. Примерять платья, расшитые драгоценностями, выбирать воздушные кружева, принимать щедрые дары от монарха-мегаломана – достойные занятия, которые на словах вы могли презирать, но которые утоляли вашу жажду роскоши, подавляемую с юных лет. Уже тогда, несмотря на романтические фантазии, вы не забывали о своих интересах. Сегодня вам подошла бы роль американской секретарши, ставшей владелицей нефтяных скважин – многократно разведенной, недовольной и деспотичной. Между крайним решением – укрыться в монастыре – и возможностью наконец оказаться в центре придворных торжеств вы не колебались. Торжества были великолепны.

Актриса сияет. Сцена наполняется герцогами и принцами крови, дамами с правом на табурет²⁶. Вечером на прощальном балу в Фонтенбло никто не затмил ее по красоте грации изяществу. Тысячи глаз, прикованных к ней, были глазами влюбленных, залогом триумфа, которому суждено длиться вечно и повсюду, преодолевая любые препятствия. Ее называют светлейшим высочеством – таков титул, положенный супруге тосканского наследника. Шепчутся, будто даже инфанте король не дарил таких драгоценностей, какие прислал Козимо. Кто такой этот Козимо? Отголосок имени, прозвучавшего в королевской капелле во время обряда, когда ее родственник, герцог де Гиз, надевал ей на палец кольцо, – дурной сон, который Маргарита не хочет вспоминать, ибо только настоящее существует – праздник, которому не будет конца.

²⁴ Салоны парижского квартала Марсе, где в XVII веке собирались аристократы, писатели и интеллектуалы.

²⁵ Имеется в виду династический союз, при котором невеста венчалась с отсутствующим женихом через представителя, что позволяло заключить брак до личной встречи супругов.

²⁶ От *фр. droit du tabouret* – придворная привилегия, позволявшая знатной даме сидеть на специальной скамеечке в присутствии короля Франции.

И вот свежим майским утром отъезд становится еще одним спектаклем в ее честь; мыслимо ли поверить, что это путешествие без возврата? Паланкины, кареты, лошади мелькают перед загородным королевским дворцом, сцены прощания в духе трагедий месье Расина: король, королева, старшая фрейлина и камер-фрейлина – все исполняют свои роли, как в балете. В свете этого даже воспоминание о последнем прощании с матерью растворяется в театральной условности.

– *Ma fille*²⁷, мы больше не увидимся! – драматически воскликнула герцогиня, которая умеет рыдать по щелчку. Маргарита цепенеет, словно замороженная, не может расплакаться, как предписывает роль.

– Паланкин для ее светлейшего высочества! – кричат.

Она терпеть не может паланкины и настаивает, чтобы подали лошадь. Но ее усаживают рядом с мадам д'Ангулем, единственно достойной представлять короля. С оглушительным грохотом кареты, всадники, повозки смешиваются, прежде чем выстроиться в кортеж. Наконец мулы двигаются, и Маргарита приходит в себя:

– Но я... – восклицает она, привстав и пытаясь распахнуть дверцу. Резкий толчок швыряет ее обратно на сиденье, и мадам д'Ангулем улыбается, мягко берет ее за руку.

– Сейчас не время, ваше высочество, подождите до первой остановки. В паланкине удобнее, вас никто не видит, так вы сможете наплакаться вволю.

Именно здесь начался долгий плач Маргариты, уже не чествуемого идола, а законной жены неведомого иностранца. Спектакль окончен, теперь все заключено в шкатулке, выстланной белым атласом, где, словно змея, пробудившаяся от спячки, затаилась страшная правда.

«Я больше не увижу Париж? Фонтенбло? Этого леса? Неужели правда, что Дочь Франции, неудачно выданная замуж, не может по собственной воле вернуться домой? В романах преследуемые принцессы всегда находят способ увернуться от несчастной судьбы, преданный рыцарь приходит им на помощь и возвращает счастье. Где Карл? Что он придумал, чтобы ее спасти?» Мелькают могучие дубы, буки, тропинки, усеянные солнечными пятнами, срывается с места вспугнутая косуля, и вот уже дорога тянется через бескрайние поля бледной пшеницы, на горизонте – шпили колоколен, башни затерянных замков, и снова глухие леса с гигантскими папоротниками и густыми кустами, куда не проникает солнце, мрачные тени, которые укрыли бы беглеца, сумеет он, словно по волшебству, ускользнуть, – никто бы его не нашел. От отчаяния Маргарита прикрывает глаза рукой. Мадам д'Ангулем достает флакон с нюхательной солью, подает пудру, зеркальце.

– Скоро мы встретимся с Великой Мадемуазель, – говорит она. – Ваше высочество сможет подкрепиться.

– Не нужно, – сдавленно шепчет Маргарита. Но это неправда, она голодна и за завтраком съест целого фазана.

Удадитесь, синьора, во втором акте для вас нет роли. Мы уже во Флоренции, в палаццо Питти, в покоях великого принца, он плохо спал, пульс слабый, высокая температура. Светлейшая Мария Виктория стоит у изножья кровати, наблюдает за сыном и вполголоса советуется с духовником, которого велела позвать. Может, это обычная простуда, кто знает, но прежде всего нужно подумать о душе, а об остальном позаботится спешно вызванный главный врач. Испуганный Козимо вглядывается в мать и священника, стараясь прочесть по их лицам приговор.

– Юношеские недомогания, усталость, – успокаивает его принц Леопольдо, только что переступивший порог комнаты. Добродушным, но властным жестом он отпускает духовника, несмотря на тихие возражения невестки. – Вы переутомились из-за подготовки «Праздную-

²⁷ Дочь моя (фр.).

щего мира»²⁸. Отдых, легкая пища – и все пройдет. Не стоит тревожить великого герцога: у него сегодня Совет.

Успокоенный, больной выпивает потогонную травяную настойку и закрывает глаза. Ему хочется спать. Пусть поспит.

Но великая герцогиня встревожена, она настаивает на разговоре и тянет деверя за рукав к оконной нише. Она этого не одобряет, более того – удивлена: пока человек в сознании, полная исповедь – лучшее из лекарств. К тому же не следует ли немедленно отправить гонца, чтобы остановить кортеж принцессы-невесты, который уже на пути к Марселю? По ее мнению, внезапная болезнь сына – знак свыше. Французский брак ей никогда не нравился. Он заключен в Париже, быть может, священником-еретиком. Нельзя ли, выяснив, как все обстояло на самом деле, обратиться к римскому папе с просьбой о расторжении? В любом случае, даже если болезнь принца, бог даст, не смертельна, благоразумие требует задержать принцессу и отложить свадебную церемонию во Флоренции, ведь именно она имеет значение.

Леопольдо молчит и дает невестке выговориться, не удостаивая ее ни малейшим вниманием. Он решил, что и пальцем не шевельнет, чтобы ей угодить. Особенно раздражает его то, что – пусть совсем по иным причинам – он в глубине души согласен с Марией Викторией. Он хорошо осведомлен о мадемуазель Орлеанской и о нравах французских дам, и потому поспешность, с какой был заключен этот союз, казалась ему непростительной ошибкой. Помешать этому он не смог, да и не захотел, *habent sua fata...*²⁹ И правда, словно по воле рока, Медичи не умеют выбирать жен – их неизменно подводят тщеславие и корысть. История повторяется десятилетиями: Мария Кристина Лотарингская, Мария Магдалина – его мать, мир праху ее, и нынешняя великая герцогиня оказались пагубны для династии. Женщины достойные, но сварливые, заносчивые, обидчивые, ограниченные, во всем покорные духовенству. Козимо – неплохой малый, но скучный, мрачный, занудливый. Дай бог им обоим сил друг друга терпеть. На этой нерадостной мысли Леопольдо, пока невестка переводит дух, берет ее руки в свои и ободряюще хлопывает по ним.

– Все будет хорошо, ваше светлейшее высочество, молитесь, и Провидение вас не оставит. – Бросив последний взгляд на спящего племянника и отвесив прощальный поклон, он торопливо уходит, его уже ждут господа из Академии дель Чименто: сегодня они проводят новые опыты с ящерицами.

Оставшись одна, Мария Виктория снова подходит к постели сына и кивком головы подзывает слугу, велит послать за священником, отосланным Леопольдо, – пусть ожидает в приемной. Затем, широко перекрестившись и громко шелестя юбками, она направляется к дверям, где сталкивается с придворным доктором Беллини, учеником Реди, отбывшего в Пизу.

²⁸ «Празднующий мир» – аллегорический спектакль, поставленный во Флоренции в 1679 году к свадьбе Козимо III Медичи и Маргариты Луизы Орлеанской в театре Уффици; постановка отличалась пышностью, в ней использовались сложные сценические машины и яркая символика, прославлявшая Медичи и союз молодых супругов.

²⁹ У каждого своя судьба (*лат.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.